

В.М. Савицкий

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

V.M. Sawicki

Volga State Socio-Humanitarian Academy, Samara

ЯЗЫКОВОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ LANGUAGE BORROWING: THE ONTOLOGICAL ASPECT

Ключевые слова: заимствование, воссоздание, ассимиляция, структура, форма, субстанция

Keywords: borrowing, reproduction, assimilation, structure, form, substance

В лингвистике существуют два взгляда на сущность заимствования. «Традиционному пониманию заимствования как перехода ... элементов одного языка в другой язык противостоит его объяснение как создания собственными средствами языка своих элементов посредством ... имитации по аналогии с иноязычными образцами» (Ильина, Сычева, 1998: 91). Дискуссия ведется в течение долгого времени, и обе стороны выдвигают весомые аргументы. См.: (Крысин, 1968), (Линник, 1989), (Агафонова, 1995) и мн. др. Это заставляет предположить, что данное противоречие носит диалектический характер и содержит единство противоположностей. Чтобы проверить это предположение, обратимся к его онтологическому аспекту.

Лингвистам хорошо известно явление макаронической речи – вкрапления в речь иноязычных элементов. Приведем пример: «Друг мой, – говорил мне Степан Трофимович ..., – я открыл ужасную для меня ... новость: *je suis un* <я есть> простой приживальщик, *et rien de plus* <и ничего более>!» (Достоевский, 1957: 30). Степан Трофимович свободно владел французским и, надо полагать, не ассимилировал вклиненные обороты. Несомненно, они являются единицами французского языка в составе русской речи. Это, разумеется, еще не заимствования: во-первых, они носят индивидуально-речевой, а не системно-языковой характер; во-вторых, они сохраняют все черты своего родного (французского) языка. Но пусть даже они фонетически ассимилированы и пишутся кириллицей, например: «Право, мешкать *иль не фó па* <не следует>, // А то будете *малáд* <больны>» (Мятлев, 1907: 5). Всё равно это не заимствования – ведь они существуют в речи отдельного лица, а не в системе русского языка.

О заимствовании речь заходит тогда, когда единица языка А начинает массово употребляться в речи на языке В, ассимилируется и, обретая устойчивость, становится уже единицей языка В. Казалось бы, мы наблюдаем переход единицы из одного языка в другой. Но не всё так просто. Вещь не может находиться одновременно в двух местах. Если она переносится из одного места в другое, то она перестает находиться в исходном месте; иначе нарушилась бы самотождественность вещи. Но ведь появление единицы в языке В не сопровождается ее исчезновением из языка А. Значит, это всё-таки не переход единицы из языка в язык, а ее воспроизводство (вследствие

ассимиляции – неточное) в языке В по образцу, существующему в языке А? Возникает парадокс, который лежит в основе вышеупомянутых длительных разногласий по вопросу о сущности процесса заимствования.

Парадокс этот вызван, по-видимому, тем, что язык играет с нами злую шутку: он заставляет нас именовать словами одной и той же части речи существительными – камни, движение, любовь, время, мысли, слова, числа и многое другое, чтобы идентифицировать их как вещи (в философском смысле). Завороженные субстантивной (читай – материальной) исходной семантикой имени существительного, мы нередко думаем об абстрактных сущностях как о материальных предметах. Язык вынуждает нас думать о них именно так – например, «угроза нависла», «радость нахлынула», «мысли роятся», «тьма наползает», «время летит» и др. Так мы зачастую говорим и о словах: они «слетают с языка», «западают в душу», за ними «лезут в карман», «взвешивают каждое слово», а также «переносят из языка в язык», они «имеют окраску» и т.п., будто слова – это какие-нибудь замерзшие разноцветные леденцы, как у Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле».

Между тем вещи, вычленяемые нами из окружающей действительности как относительно самостоятельные сущности, обладают бытием в разном смысле и на разных уровнях реальности. Например, движение существует не в том же смысле, что движущийся предмет; числа бытуют на ином уровне реальности, нежели счисляемые предметы; и т.д.

Аналогичным образом, хотя языковой знак по определению является идеально-материальным объектом, он материален не в том же смысле, что камень. Материальны знаки-события, бытующие в речи, а знак-тип, бытующий в системе языка, представляет собой своего рода платонову «идею вещи», имеющую множество материальных воплощений. Он может находиться в ряде мест одновременно, не утрачивая самотождественности. Поэтому появление единицы в одном языке не сопровождается ее исчезновением из другого языка.

Форма воплощается в разной материи, но сама по себе она есть не материя, а информация. Она тиражируется, перемещается, перевоплощается, сохраняя самотождественность. Это относится и к языковым единицам, рассматриваемым как знаки-типы. Обратимся к проблеме их тождества.

В конечном счете дилемма «перенесение или воссоздание» сводится к вопросу о том, является ли единица языка В той же единицей, что и в языке А (имеет место их синтетическое тождество), или это не та же, а такая же единица (аналитическое тождество). Если это та же единица, то, значит, она перешла из языка в язык, а если такая же, то, значит, она создана в языке В по образцу единицы языка А. Чем же определяется вид тождества? Чтобы ответить, примем во внимание оппозицию «форма :: субстанция».

Если форма вещи переносится на другую субстанцию, то из этой другой субстанции возникает новая вещь, имеющая ту же форму, что и исходная. Таково, например, отношение между оригиналом «Сикстинской Мадонны», находящимся в Дрезденской галерее, и ее компьютерной репродукцией в натуральную величину, выставленной в музее издательского

дома «Агни». Две вещи сосуществуют в разных субстанциях и в разных локусах – «связных областях пространства-времени» (Барвайс, Перри, 1987: 264), но в одной форме. Такое тождество является аналитическим: репродукция – это не та же, а такая же вещь. Но если в качестве вещи рассматривается чистая форма, то при ее переносе на другую субстанцию оппозиция «синтетическое :: аналитическое тождество» нейтрализуется. В этом случае мы имеем дело с самотождественностью вещи как формы. Так, о «Сикстинской Мадонне» часто говорят как о единой картине, отвлекаясь от того факта, что эта форма существует во множестве репродукций, а о трагедии «Гамлет» говорят как о единой пьесе, хотя она воплощается во множестве спектаклей (в пределах допустимого варьирования формы, не нарушающего самотождественности вещи). Как соотносятся форма и субстанция вещи?

«... “субстанция” ... относительна ... Электрон так же неисчерпаем, как и атом» (Ленин, 1968: 277). Субстанция формирована до бесконечности; аморфной субстанции нет. Поэтому деление вещи на форму и субстанцию условно. Границу между ними проводят, чтобы идентифицировать вещь в ее качественной определенности, зафиксировать ее как отдельную сущность.

В структуре вещи выделяют уровни, релевантные в целях идентификации вещи, а всё, что выходит за эти рамки, считают субстанцией, структура которой иррелевантна в этих целях. Так, феномен биологической жизни устанавливается в диапазоне между уровнем биосферы Земли и уровнем нуклеотидов; то, что ниже этого уровня, относится уже к неживой материи. Этот диапазон называют интервалом абстракции (Новоселов, 2003: 18); в нем вещь обретает качественную определенность и самотождественность. Так, «датский язык, будь то устный, или писанный, или телеграфированный азбукой Морзе, или переданный морской флажковой сигнализацией, остается всё тем же датским языком» (Ельмслев, 1965: 103).

Как известно, структуралисты отвлекались от субстанции языка (в плане выражения и в плане содержания) как от чего-то нелингвистического и считали лингвистически релевантной лишь форму (структуру) языка; по этой причине они и именовались структуралистами. Но критики структурализма указывали на значимость субстанции для структуры естественного языка. Он имеет именно такую, а не иную структуру потому, что его субстратом служит звуковая, а не какая-либо иная субстанция (флажковая и прочая незвуковая субстанция вторична по отношению к исходной – звуковой – и потому не противоречит данному утверждению).

Фактически это означает, что структуралисты считали лингвистически релевантным несколько зауженный интервал абстракции, а их оппоненты предлагали несколько расширить его. Но исходный тезис структурализма, в сущности, остался неизменным: в качестве языка следует рассматривать структуру в заданном интервале абстракции. Что касается субстанции, ее наличие следует признавать, но, коли уж ее структура игнорируется как лингвистически иррелевантная, то и изучать лингвисту в ней нечего.

Разумеется, язык не есть «голая» структура, лишенная субстанции; он есть структура, воплощенная в субстанции – точнее, единство структуры и субстанции, называемое системой. Но в исследовательских целях ученые отвлекаются от субстанции языка, рассматривая язык как чистую структуру (форму) в заданном интервале абстракции. И это не философский идеализм, не формализм в языкознании. Это, собственно говоря, даже не структурализм – вернее, не только структурализм. Это обычный, давний, хорошо известный и широко применяемый в науке прием идеализации (абстрагирования от незначимых признаков объекта).

В сущности, так обстоит дело со всяким объектом: одни его признаки, называемые категориальными / интенциональными, релевантны в плане его качественной определенности, а другие – нет. Например, шахматная фигура идентифицируется по ее конфигурации и цвету, а материал (слоновая кость / дерево/ пластмасса и т.д.) не значим для идентификации вещи как шахматной фигуры; мы отвлекаемся от материала, но это не значит, что мы считаем шахматную фигуру нематериальной. Аналогично, организм – это (живое) тело, рассматриваемое с точки зрения его устройства. Исследуя организм, биологи не выступают с позиций формализма. Понятия «организм» и «система языка» охватывают не весь объект; они суть модельные срезы.

Подчеркнем, что в структуру знака включается не только структура плана выражения, но и структура плана содержания. Это означает, что собственно языковое значение знака тоже представляет собой структуру – по отношению к субстанции плана содержания, в качестве которой выступает дальнейшее (энциклопедическое) содержание знака. Таким образом, языковой знак-тип – это двухплановая структура, но только в несколько более широком интервале абстракции, чем полагали структуралисты.

Рассмотрим проблему заимствования с этих теоретических позиций.

Как материя, так и информация перемещаются, но по-разному. В прежние времена центральные газеты в бумажном виде развозились по периферии; это было перемещение, а не воссоздание. А в наше время они передаются по проводам и приобретают бумажный вид на местах. Что это – перемещение или воссоздание? Данный процесс можно интерпретировать и так, и этак – в зависимости от угла зрения на него. Ведь мы имеем дело не с материей (субстанцией), а с информацией (формой).

Аналогично, если рассматривать языковую единицу как знак-тип (чистую форму), то появляется «бинокулярное» видение объекта: с одной стороны, заимствование можно трактовать как перенос некоторой формы из языка в язык, а с другой – как воссоздание этой формы средствами другого языка. Это два ракурса рассмотрения одного процесса.

Собственно говоря, всякое копирование можно рассматривать и как перенос формы, и как воссоздание формы. «Венецианов писал портреты ..., перенося на холсты прекрасные русские лица или, вернее, *воссоздавая* образы русских людей» (Солоухин, 1976: 288). Как видим, В.А.Солоухин фактически уравнивал перенос формы и ее воссоздание. А если, как в нашем случае, сама форма рассматривается как вещь (языковая единица), то

заимствование может видаться и как перенос вещи, и как ее воссоздание. Выбор трактовки диктуется исследовательской задачей. При изучении языковых контактов удобнее трактовать данный процесс как перенос формы, а при рассмотрении способов слово- и фразообразования целесообразнее трактовать его как создание в языке В новой единицы по образцу единицы языка А. Так здесь проявляется закон единства противоположностей.

Однако мы еще не ответили на вопрос, имеем ли мы дело с одной и той же единицей, бытующей в двух языках, или с двумя гомоморфными единицами. Заимствование определяется как «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» (ЛЭС, 1990). Эта дефиниция предполагает, что одна и та же единица воплощена в двух языках. В таком случае нельзя сказать, что, к примеру, *computer* – это слово английского, а *компьютер* – это слово русского языка; следует говорить, что перед нами английская и русская манифестации одного и того же слова, называемого интернационализмом. Значит, слово может бытовать на уровне более высоком, чем уровень этноязыка, а несколько языков могут иметь общий словарный фонд.

Какая часть структуры исходного слова копируется заимствующим языком? Обычно аппроксимативно воспроизводится звучание лексической основы (путем замены фонем языка-донора похожими фонемами языка-акцептора) и перенимается одно из значений исходного слова. Этим сходство зачастую и ограничивается. Так, англ. звукоряд [kəm'pjʊ:tə] приблизительно передается русским звукорядом [кмп'йут'ер]. Далее, по данным словарей, англ. *computer* имеет 5 значений: 1) букв. 'тот, кто вычисляет' (человек); 2) 'сметчик' (профессия); 3) 'счетчик' (измерительный прибор); 4) '(любое) вычислительное устройство'; 5) 'электронная машина для автоматической обработки информации'. Рус. слово *компьютер* имеет только одно значение, которое совпадает с пятым значением англ. *computer*, и отличается от англ. слова *computer* по фонемному составу (оно состоит из русских фонем), морфемному составу (в отличие от англ. *com-put-er*, это корневое слово), словообразовательному гнезду, грамматической парадигме, числу значений, морфологическим категориям, синтаксической связи с определяющими словами (согласование, а не примыкание, как у английского прототипа), кириллическому написанию. Добавим, что в английском языке это слово не только по значению, но и по внутренней форме ассоциируется с понятием вычисления, а в русском языке слово *компьютер* не имеет внутренней формы. Кроме того, у них есть различия в сочетаемости внутри составных терминов, например: англ. *computer analyst* – рус. *система диагностического контроля на компьютерной основе*.

Как видим, разница существенная. Так можно ли говорить о том, что это одно и то же интернациональное слово в ряде языков? Чтобы это утверждать, нужно постулировать очень узкий интервал абстракции, в пределах которого устанавливается качественная определенность и самоидентичность слова. Фактически в этот интервал входят только

фонетический и семантический инварианты всех манифестаций данного интернационализма в разных языках (например, исп. *computadora*, араб. كومبيوتر [kumbiúter], белорус. *кампúтар*).

Теоретически такая трактовка тождества слова допустима. Но на практике между оригиналом и копией зачастую оказывается гораздо больше различий, чем сходства; вследствие ассимиляции у копии накапливается так много признаков заимствующего языка, что ее уже трудно назвать копией. Трудно, например, узнать исходное арабское слово الكحل [al-kúhl] ‘порошковая сурьма’ в русском *алкоголь* ‘выпивка’ или японском [arukógu] ‘этанол’. Порой слово вырастает в принявший его язык, прививается на его стволе, как черенок от другого дерева, питается его соками (прежде всего фонемами) и в конце концов перестает чем-л. отличаться от исконных слов, не считая разве что данных этимологии, известных лишь специалистам. Ощущаются ли германские корни у «кондового» русского слова *сверло* (< старослав. *svьrbdlo* < нововерхненем. *Wirbel* ‘вихрь’ < древневерхненем. **hwërfan* ‘вращать’)? В слове *сверло* очень много русского и мало осталось германского. Оно переродилось, напиталось русскими соками. Вряд ли имеет смысл считать его германским словом в русском языке лишь в силу его весьма давнего происхождения. Так постепенно этнически перерождается иммигрант, в детстве сменивший отечество.

Однако в близкородственных языках наблюдается иная картина. Они характеризуются значительной генетической, структурной и семантической общностью на всех уровнях, начиная со звукового строя и кончая идиоматикой. Они имеют множество слов общего происхождения, каждое из которых являет собой одно и то же слово, бытующее в сопоставляемых близкородственных языках – например, рус. и укр. *голова* < праслав. **glova*. Но даже если слово заимствовано одним близкородственным языком из другого, всё равно это не два, а одно и то же слово в двух языках – например, рус. *буряк* из укр. *буряк*. В пользу этой трактовки свидетельствует огромный перевес их структурно-семантического сходства над различиями.

Близкородственные языки развились из диалектов языка-предка; никто не говорит, что *голова* в одном диалекте – это не то же слово, что *голова* в другом диалекте того же языка. Но ведь близкородственные языки не столь далеко отошли от материнских диалектов и в целом от праязыка, чтобы их общее слово *голова* нужно было бы считать двумя разными словами. Иллюстрацией этого тезиса может служить и таджикско-восточноперсидский языковой континуум, деление которого на два языка спорно и признается не всеми специалистами. Очень трудно расценивать тадж. *шарóб* ‘вино’ и перс. شراب [шарáб] ‘вино’ как два разных слова двух языков.

Из сказанного вытекает, что принадлежность слова к тому или иному языку – величина градуальная. Критерием принадлежности служит степень ассимилированности слова данным языком. Слово может одним сектором своей структуры входить в один язык, а другим сектором – в другой. Пропорция между ними и, соответственно, степень вхождения слова в тот или иной язык варьирует в широких пределах. Слова можно расположить на

шкале аппроксимации к заимствующему языку. На одном из ее полюсов находятся слова, на 100% входящие в язык А, а на другом – слова, на 100% входящие в язык В. Слова, находящиеся на полюсе В, могут макаронически употребляться в речи на языке А, не ассимилируясь, а потому не входя в язык А и оставаясь в полной мере словами языка В. Приведем пример: «За ним княжил князь Игорь, // А правил им Олег, // *Das war ein grosser Krieger* <он был великий воин> // И умный человек» (Толстой, 1988: 24).

Недалеко от них, немного ближе к полюсу А, на шкале располагаются варваризмы. Они отличаются тем, что, во-первых, слегка ассимилированы, а во-вторых, употребляются в речи на языке А хоть и спорадически, но всё же коллективно и неоднократно, что позволяет отнести варваризмы к периферии словарного фонда языка А. Сектор структуры исходного языка у них пока еще резко преобладает над сектором структуры заимствующего языка. Ср. латинизмы и галлицизмы в русском языке: *nota bene* ‘возьмите на заметку’, *versus* ‘против’, *et cetera* “и т.д.”, *par excellence* ‘по преимуществу’. Больше обрусели *статус-кво*, *постфактум* (лат.), *прет-а-порте*, *дежавю* (франц.), *фифти-фифти*, *ноу-хау* (англ.).

Варваризмы образуются из слов предыдущего разряда и постепенно продвигаются в заимствующий язык. Так, в «Евгении Онегине» оборот *comme il faut* представал еще как чисто французское вкрапление в русскую речь («Она казалась верный снимок // *Du comme il faut*»), но позднее он стал употребляться коллективно, писаться кириллицей (*комм иль фо*), а затем проник в русский язык еще глубже, наполнившись русскими фонемами и став отдельным словом с русскими морфосинтаксическими свойствами, хотя и несклоняемым: «человек, стоящий на высоте современного образования, со всем необходимым *комильфо*» (Тургенев, 1979: 124).

На среднем участке шкалы находятся слова, своей структурой более или менее поровну входящие в языки А и В. Таково, например, слово *фляжка* (< польск. *flasza* < нем. *Flasche* “бутылка”).

Близко к полюсу А стоят единицы, почти утратившие структурную связь с исходным языком. В русском языке это единицы весьма обрусевшие, в чьей структуре русский сектор намного превышает остаточный иноязычный. В их число входит, к примеру, рус. *сальный* ‘непристойный’, ассоциируемое с рус. *сало*, а на самом деле восходящее к франц. *sale* ‘непотребный’.

Наконец, на полюсе А располагаются исконные единицы языка А, а также единицы, общие для него и близкородственных языков.

Таким образом, вопрос о том, какому языку принадлежит заимствованная единица – языку-донору, или языку-акцептору, или стопроцентно обоим, или в определенной пропорции обоим – не может решаться одинаково для всех заимствованных единиц. Всё дело в степени ассимилированности единицы.

В частных случаях этот вопрос порой решается некорректно. Например, свойства одного из этноязыковых воплощений интернациональной единицы неправомерно распространяются на всю

единицу во всех ее воплощениях. В качестве иллюстрации может послужить интернационализм, обозначающий представителя черной расы (исп. *negro*, англ. *Negro*, нем. *Neger*, франц. *nègre*, рус. *негр* и т.д.). Белые жители США в свое время в расистском угаре испачкали свой вариант слова оскорбительными коннотациями, но затем, раскаявшись, табуировали его, заменили «политкорректным» словом *Afro-American* и стали требовать от всех других народов поступать так же, полагая, что раз слово интернациональное, значит, оно имеет одинаковые свойства во всех языках и, в частности, испачкано во всех языках.

Но американцы явно валят с больной головы на здоровую. Носителям русской лингвокультуры (за исключением кучки скинхедов, которые не делают погоды) никогда не было свойственно расистское отношение к чернокожим, и русское слово *негр* не несет пейоративных коннотаций. Это показано, к примеру, в фильме «Брат-2», где русский персонаж искренне недоумевает, когда американцы втолковывают ему, что, дескать, слово *негр* бранное и употреблять его не следует. «Нас с детства учили, – говорит он, – что есть немцы, есть эстонцы, есть русские, есть негры. Что здесь плохого?» Он, носитель русского языка, правильно считает все эти русские названия, в том числе и *негр*, коннотативно нейтральными. Даже русские скинхеды, желая оскорбить чернокожих, берут для этой цели другие слова, поскольку не могут изменить факт русского языка – нейтральность слова *негр*.

Испачкать русское слово *негр* пытаются не расисты, а антирасисты – неумные сторонники «политкорректности», противоречащие собственным гуманным декларациям. Видимо, им становится легче на душе от попыток переложить на чужие плечи часть бремени своей исторической вины. Но если ты обделался сам, не требуй от окружающих тоже менять штаны.

В каждом языке интернационализм имеет свои особенности, порой весьма существенные. Ни один интернационализм, даже научный термин, не является «абсолютно одним и тем же словом» во всех языках, в которых он воплощен. Но, с другой стороны, это и не «абсолютно разные» слова в разных языках – их структуры имеют общий сектор. Как уже отмечалось, в структуре разных заимствованных слов пропорция между сектором языка-донора и сектором языка-акцептора варьирует в широких пределах.

Подводя итог сказанному, подчеркнем еще раз, что оппозиция «перенос : воссоздание» являет собой диалектическое противоречие в сфере языковых заимствований. Когда единица рассматривается как знак-тип (чистая форма в заданном интервале абстракции), выявляется единство противоположностей, и в этом случае ракурс рассмотрения процесса заимствования (перенос vs. воссоздание) определяется исследовательской задачей.

На наш взгляд, если адепты переноса и адепты воссоздания примут нашу точку зрения, они вложат шпаги в ножны, пожмут друг другу руки и, не стараясь опровергнуть друг друга, станут смотреть на заимствование каждый со своей колокольни, решая разные проблемы в рамках общей

проблематики, обмениваясь результатами и добиваясь объемного видения объекта.

Литература

1. Агафонова Д.Н. Узуальные иноязычные вкрапления в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 1995. – 198 с.
2. Барвайс Дж., Перри Дж. Ситуация и установки // Философия. Логика. Язык: Сб. н. тр. – М.: Прогресс, 1987. – С. 264 - 293.
3. Ельмслев Л. Метод структурного анализа в лингвистике // История языкознания XIX и XX вв. Часть II. – М.: Просвещение, 1965. – С. 103-110.
4. Ильина Л.А., Сычева О.В. Лексическое заимствование: Переход иноязычий или внутриязыковое создание? // Гуманитарные науки в Сибири. Серия филология. 1998. № 4. – С. 91 - 96.
5. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 1968. – 208 с.
6. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. 5 изд. Том 18. М.: Госполитиздат, 1968. – С. 7-384.
7. Линник Т.Г. Проблемы языкового заимствования // Языковые ситуации и взаимодействие языков. – Киев: Наукова думка, 1989. № 8. – С. 71-90.
8. ЛЭС – Лингв. энциклопедич. словарь. – М.: Сов. Энци., 1990. – 685 с.
9. Новоселов М.М. Логика абстракций. – М.: ИФРАН, 2003. – 155 с.
10. Солоухин В.А. Письма из Русского музея // Слово живое и мертвое. – М.: Современник, 1976. – С. 226 - 321.

Источники примеров

1. Достоевский Ф.М. Бесы // Собрание сочинений. Том седьмой. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – С. 5 - 704.
2. Мятлев И.П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границу, дан л'этранже. – СПб: изд-во А.С.Суворина, 1907. – 427 с.
3. Толстой А.К. История государства Российского // Мелочи жизни. Антология. – М.: Художественная литература, 1988. – С. 20 - 32.
4. Тургенев И.С. Отцы и дети. – М.: Детская литература, 1979. – 240 с.

References

1. Agafonova D.N. Usual embedded foreign elements in the modern Russian language. Thesis. ... Cand. Phil. Sciences. – Rostov n / D, 1995. - 198 p.
2. Barwise, J., Perry J. Situation and installation // Philosophy. Logic. Language: Collection of scientific papers – Moscow: Progress Publishers, 1987. – p. 264-293.
3. Hjelmslev L. Method of structural analysis in linguistics // History of Linguistics XIX and XX centuries. Part II. – М.: Education, 1965. – p. 103-110.
4. Ilyina L.A., Sycheva O.V. Lexical borrowing: Transition of foreign words or Intralanguage creation? // Humanities in Siberia. Series Philology. 1998. № 4. – p. 91 - 96.

5. Krysin L.P. Foreign words in the modern Russian language. – Moscow: Nauka, 1968. – 208 p.
6. Lenin V.I. Materialism and Empiric // Complete set of works. 5th ed. Volume 18. M. Gospolitizdat, 1968. – p. 7-384.
7. Linnik T.G. The problems of linguistic borrowing // Language situation and language interoperability. – Kiev: Naukova Dumka, 1989. № 8. – p. 71-90.
8. LES – Linguistic Encyclopedic Dictionary. – Moscow: Sov. Enz., 1990. – 685 p.
9. Novoselova M.M. Logic of abstractions. – M.: IFRAN 2003. – 155 p.
10. Solouhin V.A. Letters from the Russian Museum // Word alive and dead. – M.: Sovremennik, 1976. – p. 226 - 321.

Sources of examples

1. Dostoevsky F.M. Demons // Collected Works. Volume 7. – Moscow: Gos. publ fiction, 1957. – p. 5-704.
2. Myatlev I.P. Breakthroughs and notes of Mrs. Kurdyukova abroad, dan l'etranzhe. – St. Petersburg: Izd A.S.Suvorina 1907. – 427 p.
3. Tolstoy A.K. History of the Russian State // Little things in life. Anthology. – M: Fiction, 1988. – p. 20 - 32.
4. Turgenev I.S. Fathers and Sons. – M.: Children's Books, 1979. – 240 p.

(0,6 п.л.)